

С. Мнацаканян

Об одном неизвестном типе сооружений древне-армянской архитектуры

Небольшое количество архитектурных памятников, дошедших до нас из эпохи первых веков распространения христианства в Армении, делает особенно интересным привлечение к исследованию новых памятников, не только дополняющих известные типы сооружений, но и свидетельствующих о существовании других, до сих пор неизвестных решений и композиций. В связи с этим особый интерес представляет рельеф башнеобразного сооружения, высеченного в одном из прямоугольных сегментов восточной стороны южной стелы Одзунского монумента.

Не только тот факт, что здесь изображен совершенно неизвестный древнеармянской архитектуре тип сооружения в виде двухэтажной башни завершившимся таким архаичным элементом, как фронтон с модульонами, но и то, что это вообще древнейшее изображение архитектурного памятника во всей истории армянского зодчества дает все основания для более внимательного его изучения.

Хотя Одзунский монумент упоминается почти во всех работах, посвященных истории армянской архитектуры, и несмотря на то, что еще Стрижовский дал правильное объяснение рельефов западной стороны его стел, рельефы восточной стороны, то есть именно те, среди которых находится и интересующий нас рельеф, до последнего времени оставались необъясненными.

И лишь теперь, когда сюжетные рельефы и восточной стороны получили убедительное объяснение¹, стала возможной попытка объяснения упомянутого рельефа архитектурного сооружения.

Одзунский монумент является одним из выдающихся памятников древнеармянского зодчества и занимает особое место во всей истории развития армянской архитектуры V—VII вв.

На пьедестале высотой 2,5 метра возвышается высокая ровная стена, расчлененная двумя сквозными арочными пролетами, в промежутках которых поставлены высеченные из зеленоватого фельзитового туфа высокие, покрытые со всех четырех сторон богатой резьбой, стройные стелы.

Традиционная датировка, считавшая монумент воздвигнутым над могилой Смбата Первого (убитого в 914 году), не имеет под собой никаких оснований, между тем некоторые архитектурные элементы монумента—подковообразные арки, равноконечный крест—говорят о значительно бо-

¹ Н. Г. Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VII веков (на арм. языке), Ереван, 1949, стр. 47.

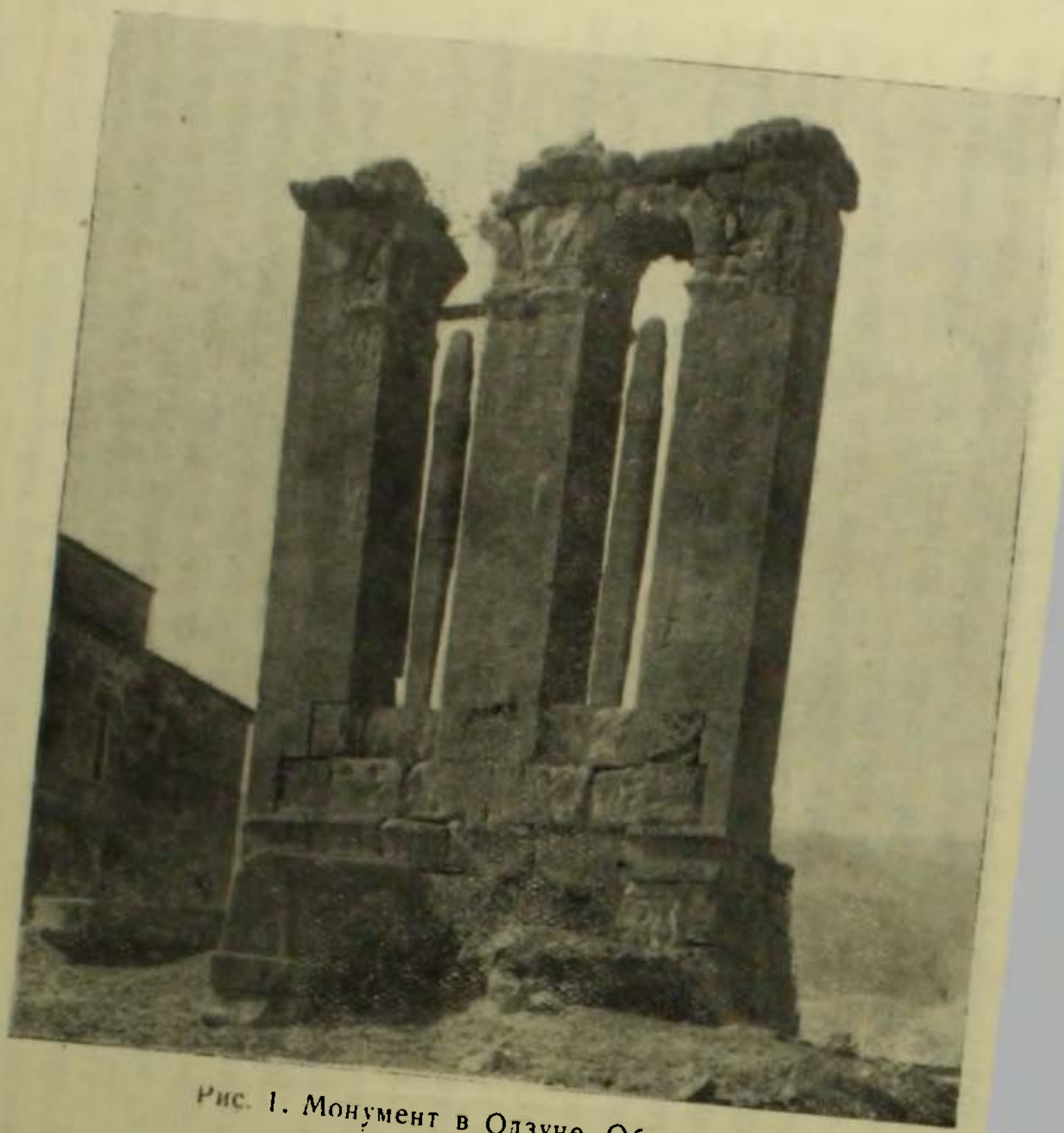

Рис. 1. Монумент в Одзуне. Общий вид

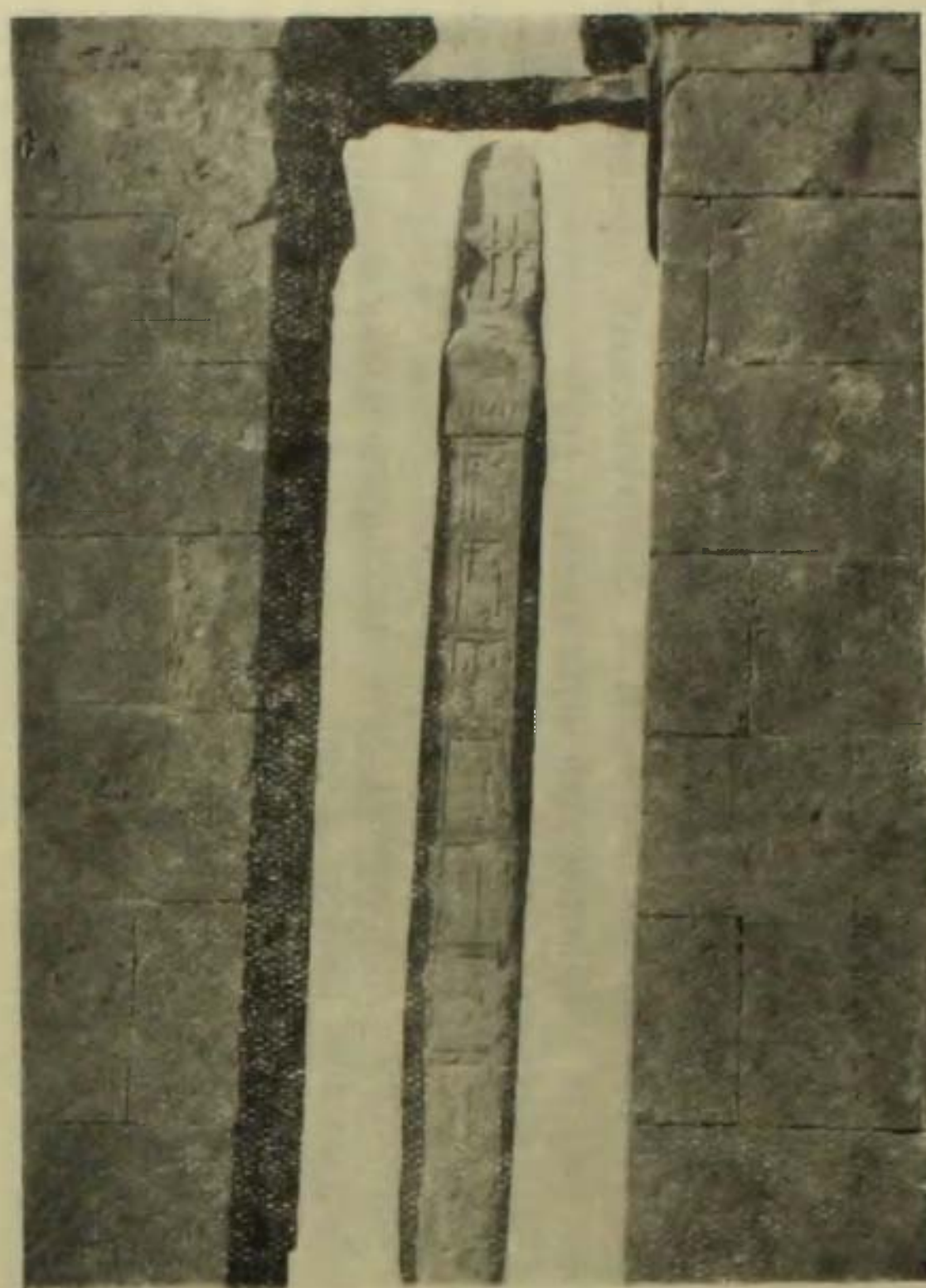

Рис. 2. Монумент в Одзуне. Восточная сторона
южной стелы.

лее древней эпохе—именно об эпохе V—VI веков. Этой эпохой датирует памятник и Т. Тораманян¹.

Б. Аракелян, подробно обследовавший орнаментику и рельефы этого памятника, отмечает их местный характер и приходит к выводу, что монумент является памятником V, самое позднее начала VI века².

Один из самых интересных мотивов всего монумента—это рельефы, высеченные на восточной стороне его стел, которые, как определил Аракелян, изображают единый сюжет известной легенды распространения христианства в Армении.

И действительно, внимательное рассмотрение этих рельефов показывает, что мастер в своих изображениях придерживался письменному тексту легенды, изображая в рельефах все его основные узловые моменты.

Как известно, один из моментов легенды повествует о том, что после заточения Григория Просветителя и казни Рипсима и ее сподвижниц языческий царь Трдат теряет свой человеческий образ и превращается в свинью. И лишь после того, как он принимает христианство и сооружает усыпальницу-часовню над могилой Рипсима, происходит обратное превращение, и Трдат снова принимает образ человека.

Интересующий нас рельеф башнеобразного сооружения³ находится на восточной стороне южной стелы, считая снизу—в четвертом прямоугольнике.

Б. Н. Аракелян пишет: «На самом нижнем сегменте высечена фигура сгященнослужителя в плаще, с нимбом вокруг головы. Выше его—стройная фигура человека, держащего в руке посох; человек этот одет по восточному. примерно так, как одеваются сасанидские цари—в длинную, складчатую одежду с загнутыми полями. На ногах высокие сапоги.

Выше него высечена человеческая фигура со свиной головой, но с нимбом. В одной руке фигура держит посох, а другая рука покоится на груди. На плечи накинута плащ.

Выше фигуры—башнеобразное сооружение, к которому приставлена лестница.

Еще выше—фигура в плаще с мелкими вертикальными складками, спускающимися до самых ног. Одна рука приподнята, а в другой она держит посох с крестом в конце. Голова фигуры не человеческая, но и не свинообразная.

И если бы у нас не были и другие фигуры, где головы целиком свинообразны, то трудно было бы определить, что у этой фигуры голова свинообразна лишь наполовину»⁴.

Остановимся на этом. Как видим, интересующий нас рельеф помещен между двумя фигурами одного и того же исторического лица—царя Трдата—и что интересно, нижняя фигура изображает Трдата со свиной

¹ Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, Ереван, 1942, стр. 132 (на арм. языке).

² Б. Н. Аракелян, указ. соч., стр. 47.

³ Там же, стр. 46.

головой, а в верхней фигуре его голова свиноподобна уже лишь наполовину.

Такое взаимное расположение двух фигур Трдата и изображение башнеобразного сооружения между ними не оставляет никакого сомнения в том, что здесь представлено именно то сооружение, которое играет такую заметную роль в письменном тексте легенды.

Рис. 3. Рельеф башнеобразного сооружения.

помещен рельефный равноконечный крест. Явно заметно стремление мастера передать все характерные элементы фронтона; хотя мастер и не мог придерживаться масштаба в деталях, но все же хорошо переданы как горизонтальный, так и наклонные карнизы с их модульонами.

Рельеф сооружения плоский, очень мало поднимающийся над общим фоном, но, несмотря на это, хорошо передает общие формы и композицию всего сооружения. Рельеф изображает лишь один фасад сооружения, к которому приставлена деревянная лестница, ведущая во второй этаж. Над пьедесталом, состоящим из двух ступеней, возвышается стройное, двухэтажное башнеобразное сооружение, нижний этаж которого, четко обработанный каменной кладкой, на той стороне, которая изображена на рельефе, не имеет никаких проемов¹.

Почти всю высоту второго этажа занимает сильно поврежденное изображение дверного проема, от которого хорошо сохранилось лишь полуциркульное ступенчатое обрамление. Хорошо переданы формы несомненно деревянной лестницы, приставленной к сооружению слева, хотя и не совсем ясно примыкание этой лестницы к проему, так как это место, как и вся левая сторона сооружения, сильно повреждено.

Сооружение завершается фронтоном, в высшей точке которого

¹ О двухэтажном характере этого сооружения впервые нам сообщила арт. А. Еремян.

Возведенный, согласно преданию в самом начале IV века, связанный с именами Трдата и Григория Просветителя, этот памятник стал одной из главных святынь христианской церкви Армении. Некоторые сведения об этом памятнике мы находим у Агафангла, который, описывая его строительство, перечисляет и те строительные материалы, которые были приготовлены:

Агафангл пишет:

«եւ կուտէին ի հրամայեալ տեղիսն ոմն
վէմ, ոմն քար, ոմն աղիւս, ոմն զմայր փայտն...»¹

«и собирали в назначенное место, кто большие глыбы камни, кто камни поменьше, кто кирпич, кто сосновый лес...»

Дальнейшая судьба этого памятника несколько необычна. Во время военных действий в семидесятих годах IV в., наряду с другими памятниками, персидские войска разрушили и это сооружение, которое снова восстановил Саак Партев, ставший католикосом в 387 г.

Об этом упоминают и инок Езник и Асогик. Инок Езник, говоря о Сааке, отмечает², что он «возвел усыпальницу-часовню из тесаных камней в городе Вагаршапате».

Асогик отмечает, опять-таки говоря о Сааке Партеве:

«Он восстановил (սկորոգեց) часовню святых дев, которая была разрушена царем Шапухом»³.

Хотя у нас нет определенных сведений о том, когда именно Саак Партев восстановил это сооружение, все же можно предположить, что это было сделано сразу же, как кончились военные действия и наступил мир.

Усыпальница Рипсима была не обыкновенной часовней и христианской церковью в условиях еще очень сильных пережитков язычества, когда новая религия далеко еще не проникла в гущу народа, и зачастую языческие обряды, запрещенные официально, исполнялись тайком, ночью,—в этих условиях такие узловые памятники новой религии, как усыпальница Рипсима, должны были стать предметом особых забот церковных властей.

Поэтому нам кажется, что самая вероятная дата восстановления—это последнее десятилетие IV века, когда после кровопролитных войн воцарилось относительное спокойствие. Восстановленный Сааком Партевом памятник простоял еще два века, когда он в 618 году был разобран католикосом Комитасом, который на этом освященном преданием месте воздвиг величественный храм Рипсима.

О том, что Комитас разобрал именно то сооружение, которое было восстановлено Сааком Партевом, есть четкое свидетельство Себеоса:

¹ Առաքանիկացի պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս, 1914, էջ 385. Интересно отметить, что в последующих веках на территории Армении сосна встречается сравнительно редко. Между тем, как показали раскопки Кармир Блур, в древности сосна являлась обычным строительным материалом.

² Ստմուէլի բանակաւոր Անէղոյ ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1893, էջ 267.

³ Տեղեւորացի պատմութիւն, Ստեփաննոս վարդապետի Տարոնեցւոյ, Փարիզ, 1895, էջ 76.

«Католикос Комитас снес часовню св. Рипсимии в городе Вагаршапате, построенную св. Сааком, патриархом и католикосом армян, сыном св. Нерсеса, так как она была очень низка и темна»¹.

Поэтому есть все основания для утверждения, что во время возведения Одзунского монумента это сооружение еще стояло в целости, и мастер высек на стеле не образ какого-то давно разрушенного сооружения, общие формы которого дошли до него на основе словесных или письменных преданий, а формы действительно существующего, реального сооружения, которое, судя по подробностям, изображенным на рельефе, он видел не один раз. А подробности эти, особенно формы его фронтона, представляют особый интерес.

Как известно, фронтон представляет один из характерных элементов древнеармянской архитектуры, являясь неотъемлемой частью таких господствующих типов сооружений этих веков, как базилики.

Встречающиеся в древне-армянской архитектуре фронтоны можно подразделить на две группы:

1. Фронтоны с карнизами на трех его сторонах и с модульонами (Ширванджук, Касах).

2. Фронтоны с карнизами на трех его сторонах, но без модульонов (Текоп, Аван).

Дальнейшее развитие идет по тому же пути упрощения, когда с упразднением и горизонтального карниза фронтон превращается в простой шипец. И как будто пережитком былой формы—горизонтального карниза—являются небольшие горизонтальные завороты наклонных карнизов на шипцах некоторых памятников VII в. (Аруч).

Этапы изменения этой архитектурной формы целиком вытекают из общего хода развития армянского зодчества, когда выступающие с особой яркостью античные элементы древнейших памятников армянской архитектуры, своими корнями несомненно восходящие к эллинистической эпохе, постепенно теряют свою чистоту и в последующих веках уступают место новым местным формам.

Поэтому заслуживает особого внимания то обстоятельство, что встречающийся на таких древнейших памятниках армянской архитектуры, как Ширванджук и Касах, тип фронтона, с полным сохранением его основных форм (все три карниза с их модульонами), встречается также и на башнеобразном сооружении Одзунской стелы.

Это обстоятельство дает все основания для утверждения, что сообщения историков о восстановлении этого сооружения Сааком Партевом действительно правильны и что образ башнеобразной усыпальницы несомненно восходит к раннехристианской эпохе армянского зодчества. Кроме того, следует отметить, что изображенное на рельефе сооружение своими формами резко отличается от известных до сих пор твердо датированных усыпальниц Армении IV—VII веков.

¹ История епископа Себеоса, перевод с армянского Ст. Малхасянца. Ереван, 1939, стр. 76.

Как известно, эти сооружения—обыкновенные могилы или усыпальницы с установленными над ними или рядом с ними стелами (Туманян, Ардач и т. д.), или подземные склепы (Ахи, Нахчеван), или же такие же склепы, но уже с возведенными над ними церковными сооружениями (Ошакан).

Такое различие архитектурно-композиционных форм не могло быть случайным, и поэтому особый интерес приобретает также и тот факт, что, не имея аналогии с формами известных усыпальниц Армении, башнеобразное сооружение из Одзунского рельефа имеет прямые аналогии с такими же башнеобразными и такими же двухэтажными усыпальницами Сирии: II—III в., какие, например, встречаются во множестве в окрестностях Пальмиры¹.

И поэтому нам кажется не лишенным основания предположение, что Саак Партев возвел это сооружение в конце IV века не заново, а только восстановил его, сохранив его основные формы, восходившие к началу IV века, т. е. к эпохе, когда только начало распространяться христианство в Армении.

Что это не трудно было сделать, даже если это сооружение целиком было разрушено персами, свидетельствует тот факт, что между разрушением и восстановлением прошло самое большее 15—20 лет, и поэтому образ первоначального сооружения был еще жив среди современников.

В таком случае первоначальный образ этого сооружения должен датироваться не концом, а началом IV века, т. е. эпохой, когда только начало распространяться христианство в Армении, и корни первых сооружений новой религии несомненно должны были восходить к языческим памятникам предыдущих эпох. И все же, несмотря на то, что архитектурные формы башнеобразного сооружения из Одзунского рельефа имеют определенные аналогии с сирийскими башнеобразными усыпальницами, было бы в корне ошибочным считать появление в Армении темы башнеобразной усыпальницы результатом простого привнесения чуждых форм.

Отдельно стоящие башнеобразные сооружения известны на территории Армении еще с древнейших времен (Агавнатун, Ошакан), назначение которых хотя и окончательно не установлено, но по всей вероятности они имели культовый характер².

Башнеобразные сооружения, уже определенно связанные с ритуалом погребения, известны уже в ахеменидской Персии.

Хотя исследователи и не единодушны в деле определения их назначения, и одни утверждают, что эти башни возводились для установки на них трупов, предназначенных к съеданию птицами³, а другие усматривают в них усыпальницы (Герцфельд), но все же самое интересное это то, что архитектурные формы этих сооружений выводятся из гражданской архитектуры и непосредственно связываются с жилой и дворцовой архитек-

¹ Всеобщая история архитектуры, том II, книга II, Москва, 1949, табл. 76; Baalbek-Palmyra, Photographs by Hoywigen—Huewe, New-York, 1943, pl. 28.

² Т. Торманян, указ. соч., стр. 10.

³ Н. Брунов, Очерки по истории архитектуры, т. I, Москва, 1937, стр. 287.

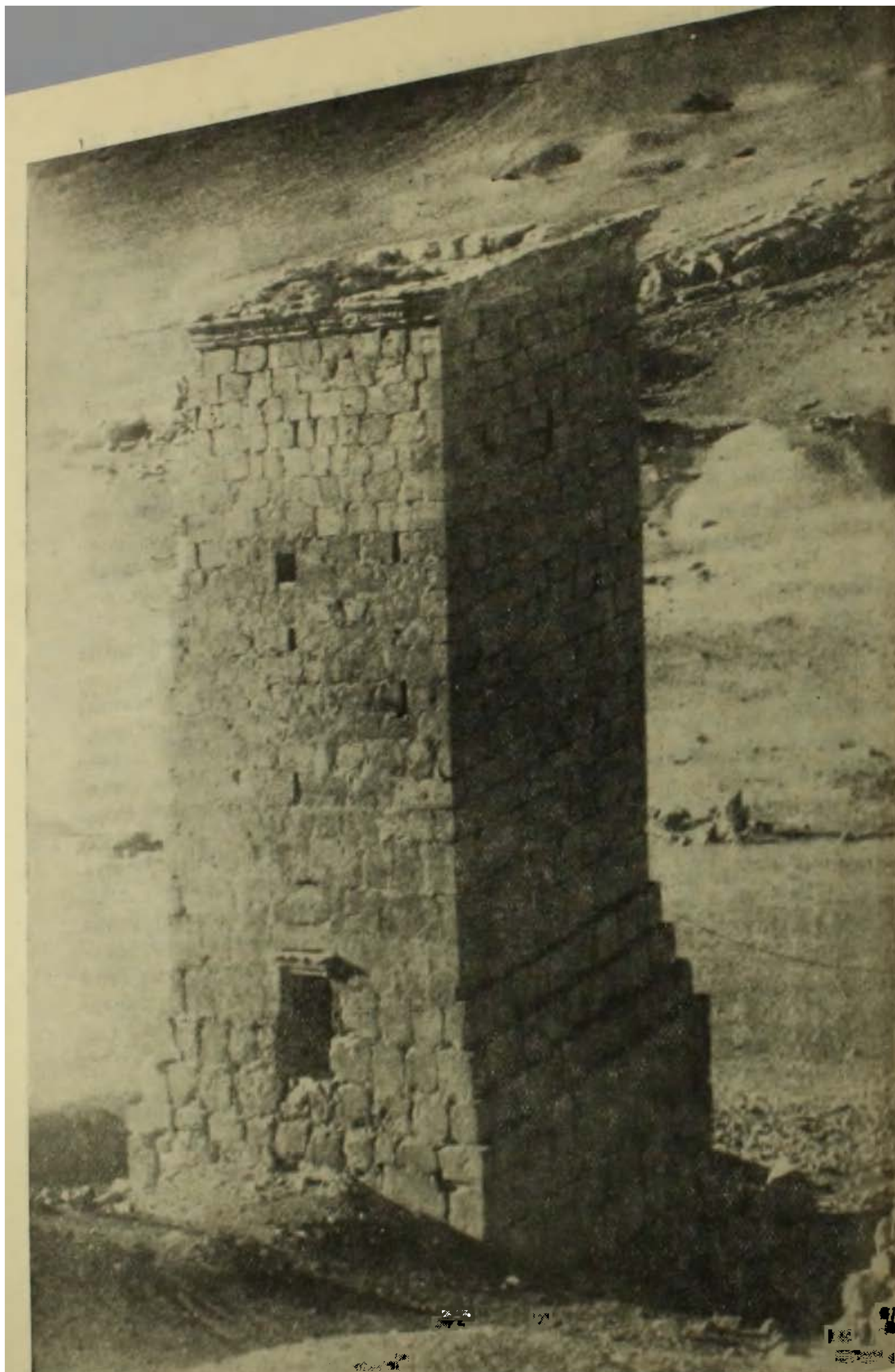

Рис. 4. Пальмира. Башенная усыпальница.

турой Ирана¹. В связи с этим особый интерес представляют сведения, которые показывают, что и в Армении, в эту же эпоху, ритуал погребения был также тесно связан с башнеобразными сооружениями.

Еще Ксенофонт отмечает наличие башен у народного жилого дома Армении, а в известной легенде «Ара и Шамирам», которая возникла еще в VII—VI в. до нашей эры², отмечается, что, желая воскресить Ара, Шамирам ставит его труп на возвышенную башнеобразную часть дворца (*Գերանի*), чтобы аралезы пришли и, лизая раны, вылечили его.

Это отмечают и Мовсес Хоренский и Себеос.

Этот обычай имел такие глубокие корни в народе, что и новая религия—христианство—даже спустя почти сто лет после запрещения языческих обрядов не смогла его уничтожить. Об этом свидетельствует тот факт, что когда труп одного из известных полководцев, Мушега Мамиконяна, привезли в родное поместье, родные просто не поверили, что его могли убить. И что интересно, настолько еще была сильна вера в свои вековые языческие обычаи, что труп его подняли на крышу башни в ожидании того, чтобы аралезы придут и воскресят его. И лишь после того, как труп начал разлагаться, его сняли и похоронили³.

Огромный исторический диапазон этого верования свидетельствует не только о глубоких корнях этого ритуала погребения, но и о том, что связь башнеобразного сооружения с ритуалом погребения восходит к древнейшей эпохе истории армянского народа.

Такая тесная связь отдельного элемента жилого помещения с погребением восходит еще к той ранней эпохе развития зодчества, когда архитектурные формы погребальных сооружений представляли почти точные копии народных жилищ.

Эту стадию прошло зодчество почти у всех народов. Достаточно вспомнить, масштабы у египтян, гробницы этрусков, гробницы Ликии и Пафлагонии и т. д. И лишь впоследствии отмечается отход от этого примитивного решения, и создаются своеобразные сооружения со специфическими архитектурными решениями.

Тема башенной усыпальницы имела свой собственный путь развития и на западе; этот путь в конце концов привел к архитектурным формам усыпальниц римских императоров.

Понятно, что и новая религия—христианство—не могла пройти мимо этой темы. И действительно, уже в раннехристианскую эпоху отмечается строительство двухэтажных усыпальниц, где первый этаж служил мавзолеем, а второй—часовней.

Сооружения этого типа были широко распространены в раннехристианскую эпоху и в Сирии, и в Палестине, и в коптском Египте. Изображения этих сооружений, сохранившиеся на обрывке коптской ткани⁴,

¹ Всеобщая история архитектуры, том I, Москва, 1944, стр. 144.

² Г. Капанцян, Культ Ара Прекрасного (на арм. яз.), Ереван, 1945, стр. 26.

³ Փափուկի Բուգիշի, Հայոց պատմություն, Երևան, 1947, էջ 276.

⁴ А. Грабар, Болгарские церкви-гробницы, Известия болгарского археологического института, том I, часть II, София, 1924, стр. 103.

псказывают, что над массивным первым этажом, служащим усыпальницей, поднимается небольшая однефная часовня, покрытая двускатной крышей. В часовню ведет широкая одномаршная лестница, занимающая всю его ширину. Один из характерных примеров этого типа сооружений, свидетельствующий о том, что и на Кавказе еще в VII в. был известен этот тип, является малая церковь Креста в Мцхете, где также над массивным первым этажом—усыпальницей—возвышается небольшая, также покрытая двускатной кровлей часовня¹.

Наряду с созданием этого нового типа, хотя и в принципе повторяющего языческие башенные усыпальницы, христианская религия создает другой тип мавзолея-часовни, где усыпальница уже целиком уходит в

землю, и архитектурные формы возведенной над ними часовни, кроме массивности, ничем в сущности не отличаются от других часовень².

Этого типа сооружения в Армении известны уже с V века, когда Ваган Амагуни строит в Ошакане усыпальницу Месропа Маштоца и над ней—церковное сооружение.

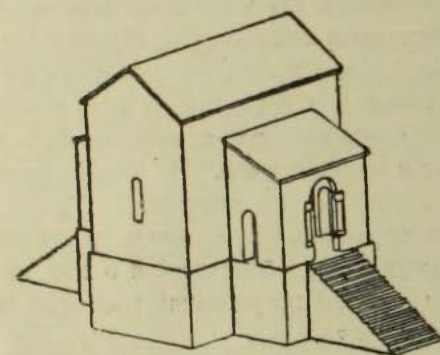

Рис. 5. Мцхета. Малая церковь Креста. Схематическая реставрация по Г. Н. Чубинишвили.

Возвращаясь к архитектурным формам башнеобразного сооружения Одзунского рельефа, следует отметить, что, имея определенные аналогии с башнеобразными усыпальницами Сирии, все же в таком характерном элементе, как вход второго этажа, оно резко отличается от них.

Интересно, что именно форма этого входа—широкого, высокого арочного проема—приближает указанное сооружение к раннехристианским двухэтажным церквам-усыпальницам, хотя в отношении лестницы, ведущей на тот же второй этаж, целиком сохранились еще старые традиции. Приставная деревянная лестница свидетельствует о том, что в часовню второго этажа могли войти лишь люди определенного круга, тогда как в обычных ранне-христианских двухэтажных церквах взамен деревянной лестницы строятся уже широкие каменные лестницы, открывавшие легкий доступ во второй этаж сооружения.

Все это дает нам определенные основания для утверждения, что сооружения Одзунского рельефа представляют переходную форму между языческими башенными усыпальницами и раннехристианскими двухэтажными церквами.

Архитектурные формы этого сооружения целиком отражают ту эпоху

¹ Г. Н. Чубинишвили, Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948, стр. 14.

² Н. Брунов, Очерки по истории архитектуры, том II, Москва, 1937, стр. 456.

исканий новых композиционных решений, которые так характерны для древнейшей эпохи только что создавшегося зодчества новой религии.

Это переходное состояние вполне отразилось и на характере самой постройки, где ясно намечается отход от языческих форм и где заметны уже некоторые элементы будущих двухэтажных церквей-усыпальниц раннехристианской эпохи.

Все вышесказанное приводит нас к следующим выводам:

1. Тесная связь, существовавшая между ритуалом погребения и башнеобразными сооружениями, исконная на востоке и восходящая к первой половине первого тысячелетия до н. э., была характерна и для Армении, где башнеобразные сооружения играли определенную роль в ритуале погребения языческой религии армян.

2. Определенные аналогии башнеобразного сооружения Одзунского рельефа с сирийскими башенными усыпальницами, и вместе с этим, некоторые черты, характерные для раннехристианских двухэтажных церквей-усыпальниц, приводят к выводу, что изображенное на рельефе сооружение является переходным между указанными двумя типами построек.

3. Рассмотрение особенностей рельефа приводит к выводу, что эта постройка принадлежит к древнейшей известной по сохранившимся памятникам эпохе армянской архитектуры. И хотя до нас не дошла ни одна из этих усыпальниц древнейшей эпохи, но все же есть все основания для утверждения, что армянским зодчим был хорошо известен этот тип сооружений.

Это в свою очередь убеждает, что архитектурные формы двухэтажных церквей-усыпальниц последующих эпох имеют свои глубокие корни на месте, в армянском зодчестве, и являются беспочвенными все теории, утверждающие привнесенность этой композиции извне.